

призваны казаки, а надсмотрщиками назначены российские приставы. В ходе строительства возникли новые обиды казаков на то, что их жестоко карали за малейшую провинность – били палками по голове, обрезали шпагами уши и "всякое поругание чинили".

Через малороссийские города началось движение войск: в главную армию стали приходить рекруты, многочисленные обозы с припасами, спешно передвигалось начальство. Все это сопровождалось нарушением установившегося уклада жизни и вызывало новые жалобы: *"...великороссийские люди дома раграбляют, разбирают и палят, женам и дочкам их насилие чинят, коней, быдло и всякую худобу забирают, старшину бьют смертными побоями"*. Жалобы поступали со всех концов Гетманщины, в том числе от старых и новых реестровых полков.

Наконец, терпение старшины лопнуло и два полковника, миргородский Данило Апостол и прилуцкий Дмитрий Горленко, решили высказать свое возмущение Мазепе. Миргородский полковник заявил гетману: *"Очи все на тя уповають, и не дай Боже, на тебе смерти, а мы достанемо в такой неволи, то и куры нас загребут"*. Стоявший рядом прилуцкий полковник решился на большее: *"... как мы за душу Хмельницкого всегда Бога молим и имя его блажим, что Украину от ига Ляцкого освободил, так противным способом и мы и дети наши во вечные роды душу и кости твои будем проклинать, если нас за гетманство свое по смерти своей в такой неволи заставишь"*.

Гетман выслушал полковников и ответил: *"Уже я ко двору царского величества о таковых обидах и разорениях часто и многократно писал и, если вам угодно, изберите от себя к царскому величеству, или ты Прилуцкий езжай, а я от себя с генеральной старшиной пошлю Орлика, и буду через вас до царского величества писать и челом бить, чтоб права и вольности наши ненарушимы были"*.

Однако из этой затеи ничего не вышло, Мазепа не решился на такой "дерзкий" шаг. Зная гневный характер царя, и, видимо, учитывая всю тяжесть его положения в войне со шведами, гетман вначале посоветовался с